
Ш. Г. УМЕРОВ

**ОТ ДОКУМЕНТА – К ЭПОПЕЕ:
«ДНЕВНИК» Л. В. ШАПОРИНОЙ**

Любовь Васильевна Шапорина (1879–1967) – создательница Ленинградского театра марионеток, художница, переводчица, жена композитора Ю. Шапорина. Ее дневник, впервые опубликованный лишь в 2012 г., стал общественным и литературным событием. Он поражает разнообразием и выразительностью картин повседневной жизни, особенно конца 1920–1950-х гг. (политика, экономика, религия, городской и крестьянский быт, репрессии, блокада Ленинграда, литература и искусство и др.), остротой сопереживания человеческих трагедий, глубиной и отвагой в осмыслении нравственно-исторических процессов. Сама Шапорина отразилась на страницах «Дневника» как человек в полном смысле слова: не свободный от иллюзий, заблуждений, но с могучей благородной душой, – способный противостоять бесчеловечному красному миру. Ее прямая речь обретает образную силу и поднимает исторический документ на уровень выдающегося художественного романа новой формы.

Ключевые слова: литература non-fiction, автофикция, мемуары, дневники, Ленинград, репрессии, блокада, судьба России, интеллигенция, феминизм, женская проза, речь прямая и образная, роман-эпопея.

Памятен и многим согражданам до сих пор дорог яркий период «возвращенной» («расконвоированной») литературы, когда на просторы отечества наконец-то свободно явилась масса и ранее не публиковавшихся, и запрещенных произведений, среди которых были подлинно великие.

Но его продолжения ожидать не приходится. Вся прежде неподцензурная поэзия, драматургия, романистика, новеллистика вышла из темноты писательских укрывищ и была обнародована. Все или почти все значительное из «тамиздата» тоже вернулось на родину, а если пока еще этого не произошло, то ничего из него не исчезнет. Эти вещи уже успели увидеть свет, как, например, автобиографический роман бывшего ленинградского студента Анато-

лия Дарова «Блокада» (Даров 2012), первому изданию которого в России (почти через 70 лет после создания) предшествовали по крайней мере девять изданий на Западе. Если какая-либо подобная литература вновь всплывет, как хотелось бы надеяться, то это будет исключением.

Не то с non-fiction, с тем, что еще называют автофикцией, то есть всевозможными формами (жанрами) представления «я»: мемуарами, дневниками, разного рода записками, автобиографиями, интервью, автопортретами и т. п. Ресурсы их неисчислимы и удивительны.

Так, 2012 г. преподнес по крайней мере три подарка, явившихся буквально из небытия, – во всяком случае, для широкого читателя. Это «Дневники» Елены Шварц (1948–2010), ленинградской поэтессы неформального направления, которые она вела в отрочестве (Шварц 2012).

Это «Три круга воспоминаний» Льва Ельницкого (1907–1979), московского историка и археолога. Он писал их в 1960–1970-е гг. Много лет рукопись лежала забытой в домашнем архиве, и теперь из трех законченных автором книг вышли в свет две (Ельницкий 2012а; 2012б).

Это «Дневник» Любови Васильевны Шапориной (1879–1967), московской уроженки, петербурженки (с 12 лет) и ленинградки, блокадницы, театральной деятельницы, художницы, переводчицы, который она вела с 1898 г. до конца своих дней (Шапорина 2012).

Уместно спросить: литература ли это? Всегда ли автофикция становится литературой? Это вопрос принципиальных дискуссий. «В журналах, по радио и на телевидении сегодня идут активные дебаты об автофикции... К этому жанру относят целый ряд совершенно разных произведений, усматривая в подобном конгломерате не то новую школу, не то новое литературное направление» (Лежен 2012). Но неустойчивость тех или иных дефиниций не должна помешать увидеть значение явившихся нам произведений.

К примеру, Л. В. Шапорина, по виду не слишком заметная особа, тихая, скромная, небольшого роста, нелюбимая жена нелюбимого мужа – композитора Шапорина, человека талантливого, ленивого, слабохарактерного, бабника и эгоиста (его семейный порт-

рет), – оставила в своем дневнике о предвоенной, например, советской жизни прямую речь такой силы, которую не с чем сравнивать.

В ту пору в Ленинграде жили, писали Ахматова, Зощенко, Мандельштам, Заболоцкий, Хармс, другие обэриуты... – какой калибр! Их речь – образная. Разумеется, она выше прямой, особенно если образность поэтическая. «Только в поэзии язык раскрывает все свои возможности, ибо требования к нему здесь максимальные: все стороны его напряжены до крайности, доходят до своих последних пределов; поэзия как бы выжимает все соки из языка, и язык превосходит здесь себя самого» (Бахтин 1974: 278).

Однако такой текст, как «Дневник» Шапориной, позволяет хорошо осознать, что какой бы полновесной, полнозвучной ни была образная речь, она не замещает прямую, и что от искусства для вечности остается не только метафора. В конце концов, прямая речь Шапориной, которой она спасалась от советского «новояза», от всеобщего нравственного растреления и исторического склероза, сделала весь ее огромный труд выдающимся документальным и художественным полотном. На этом полотне запечатлены фигуры десятков узнаваемых и знаменитых людей, сотен безвестных, повороты многих судеб, тысячи разного рода событий, бытовых сцен. Все это Шапорина видела на протяжении семи десятилетий, каждый раз сопереживая или негодуя, надеясь или отчаиваясь... Бесконечна палитра чувств, отданных ею миру и людям, одного среди них нет – равнодушия. Да еще глубочайшее материнское горе плавит страницы дневника. Ушла из жизни от пневмонии дочь-подросток Алена, такая добрая, ласковая, всегда умевшая быть довольной тем, что у нее есть.

И если здесь слышится мотив ахматовского «Реквиема», то это потому, что, пронизанный прямой речью, весь «Дневник» в целом стал образом. Образом боли (буквально по А. И. Герцену: «Мы вовсе не врачи – мы боль» [Герцен 1975: 8, 91]) и ее, боли, stoического, вопреки всему, – нет, не изживания, но преодоления. Образом героического духовного противостояния одного человека – «планетарному злодею» (Бунин 2000: 151). Даже в пору своих планетарных триумфов злодей ни в чем не одолел Шапорину. Напротив, это она проницательно диагностировала прогрессирующую немощь злодея. В этом смысле ее книга представляет со-

бой не только мартиролог прежней культуры, но и актуальный политический анамнез.

Как она сумела охватить такие горизонты?

Это сейчас нам доступна глубина исторической трагедии, вызванной большевизмом и коммунизмом. Да и то далеко не всем: беспамятство – национальная болезнь. Наша национальная идея – лишь бы не помнить! Но все же образовалась дистанция времени, возникла «внезаходимость», открылись многие тайны, можем сравнивать, сопоставлять... И тем более поражает интеллектуальная мощь «Дневника», который Шапорина писала, находясь внутри событий. Конечно, помогало то, что она из интеллигентной дворянской семьи, институтка, с детства овладевшая несколькими европейскими языками, жила за границей; и круг регулярного ленинградского общения у нее был отнюдь не мелкий: Ахматова, Петров-Водкин, Алексей Толстой, Шишков... А все же социально она совсем не фигура: «Мы люди второй категории» (Шапорина 2012, I: 88) – и не занимала такие должности, посты, откуда подалось видно.

Принципиально важно, что перед нами женский дневник. Знакомство с автофикциями позволяет яснее ощутить особенности «женского почерка», «женской прозы» вообще. Женские биографии, дневники, мемуары в своих лучших образцах гораздо более личные, чем мужские, и пресловутая женская интуиция может играть в них значительную роль. Возьмем замечательный «Дневник "великого перелома"» московского учителя истории Ивана Ивановича Шитца, сверстника (старше всего на 5 лет) Шапориной (Шитц 1991). Это меткие наблюдения частного лица за государственно-политическим механизмом, в которые не допускается ничего личного. Последовательная общественная экстравертность – родовой признак «мужского» взгляда. В женских записках, как правило, больше от самого человека. Хотя «Дневник» Шапориной ни в коем случае не является односторонне интровертным. Очень многое выразилось в нем даже эпически.

Заботы о насущном, прежде всего о своих детях, соединяются в поденных записях Л. В. Шапориной с неотступными мыслями о судьбе России, со стремлением разгадать вектор ее исторического

движения, с глубоко личным откликом на разные общественные, политические события.

«...Где искать работы, чтобы дать детям то тщательное образование, которое необходимо. Надо их учить музыке на всякий случай; может быть, есть способности. Надо учить языкам – французскому, немецкому и английскому. Французским я могу сама заниматься, но остальными лучше специалистки. А деньги где?». Есть Кукольный театр, Шапориной и созданный, но «теперь же там сидит толстая умная еврейка, не подпускает меня на пушечный выстрел, она коммунистка, кажется, с ней не поборешься, да я и не борец в этом смысле» (Шапорина 2012, I: 81). Шапоринский сценарий по Карло Гоцци тоже отвергнут, а ее постановочные идеи присвоил режиссер Александринского театра Н. В. Петров для своего «Тартюфа». По слухам, режиссер связан с ГПУ. «Я не хотела этому верить. Но теперь лично, на своей шкуре убедилась в его беспринципности. Подлей нашего времени не было в истории. Такого гомерического подхалимажа и трусости не было никогда. Во время Французской революции были партии, они боролись друг с другом, уничтожали друг друга. Теперь же все лежат на брюхе, и стоит только дохнуть кому-нибудь, как его тут же раздавливают, как блоху, ногтем» (Там же: 82).

Преувеличивает? Личная обида застилает глаза? Не застилает. Напуган муж-композитор: «Конечно, в другое время можно было бы подать в суд. А теперь я лишусь всякой работы. Петров мститель» (Там же).

Л. В. Шапорина отлично сознает свое даже в некоторой степени привилегированное положение как жены музыкального деятеля, привечаемого советской властью. Эта привилегированность весьма относительна, поскольку не распространяется на материальное положение и многое другое, но притом и бесценна. Например, у нее, бывшей дворянки, нет затруднений с получением паспорта: значит, ей позволено и дальше жить в любимом городе на Неве.

Открытыми глазами она смотрит вокруг себя и видит ужасающие человеческие трагедии, в том числе вызванные на 15-м году революции новым крепостным правом, каким стала паспортизация населения, начатая в 1933 г. (соответствующее постановление ЦИК и СНК СССР вышло 27 декабря 1932 г.). «Паспортизация ввергла

всех в невероятное уныние. Подавленность, отчаяние, стон стоит. Я зашла на днях к Знаменью (Знаменская церковь в Детском Селе. – *Ком. издат.*) ко всеобщей, пели “Владычице, к тебе припадём”, не помню слова, толпа вся запела вполголоса, в полутьме, и мне казалось: это вопль, стон всей России. Рассказывают раздражающие душу случаи. К[онстантину] Федину доктор Мариинской больницы рассказал следующий факт: работница с восемнадцатилетним рабочим стажем, четверо детей. Муж сослан на 5 лет. Ей не дают паспорта и в десятидневный срок выселяют. Она повесилась, но ее вынули из петли. Тогда она бросилась из пятого этажа. Вся разбилась, но была еще жива и сказала доктору: “Я должна умереть, так как тогда детей возьмет государство, а то куда же я с ними денусь”» (Шапорина 2012, I: 132).

Утонченное перо К. А. Федина, одного из «Серапионов», позже лауреата Сталинской премии 1-й степени, академика АН СССР, Героя Соцтруда, Первого секретаря и Председателя правления СП СССР и прочая, прочая, прочая, благополучно миновало эту историю.

Лучший, талантливейший поэт советской эпохи В. В. Маяковский в свое время увековечил трагедию нищей берлинской семьи: «Нужда худобой врывается в глаз. Толки: “Вольфы... покончили с голоду... Семей... в камерке... открыли газ...”» («Два Берлина», 1924). И раньше, и теперь мы охотнее сочувствуем дальнему, а не ближнему – сколько неудобных вопросов сразу отпадает!

Иначе поступала Л. В. Шапорина.

Русская литература XX в. знает образы, открывающие беспрецедентную силу материнской любви. Но сохраненный Шапориной устный рассказ о безымянной ленинградской матери, дважды кончавшей со своей жизнью ради сохранения жизни детей, не только не теряется в сравнении с ними, но поистине оказывается «томов премногих тяжелей». Только за это нам следует быть благодарными Шапориной – а сколько еще пронзительных человеческих сюжетов вобрал ее дневник!

И ко всему, что русская литература в своем развитии, – по крайней мере начиная с Достоевского, – противопоставляет нынешней теле- и прочей пропагандистской вакханалии, нацеленной на приукрашивание коммунистического кошмара, на то, чтобы

придать кремлевскому горцу недостающие ему черты эффективно-го менеджера и т. д., присоединяется слово Шапориной: «Россия сейчас похожа на муравейник, разрытый проходящим хулиганом. Люди суеются, с смертельным ужасом на лицах, их вышвыривают, они бегут куда глаза глядят или бросаются под поезд, в прорубь, вешаются, отравляются. ...Над всеми дамоклов меч, и вокруг кишат доносы.

Когда-то я писала, что чувствую встречный ветер истории. Тогда мы неслись в бездну. Теперь мне представляется, что мы уже на дне, и смрад кругом, все свалились друг на друга, кто жив, кто мертв – не разберешь, все копошатся, надеясь куда-то вылезти, не догадываясь, что вылезти некуда, колодец глубок, неба не видно. И все ползают, отталкивают, сбрасывают слабых, кусают, царапаются, стонут. Ужас, вырывают корки хлеба.

А над всем этим благополучная верхушка, подкуп писателей и всех, кто может делать рекламу...» (Шапорина 2012, I: 130–131).

Увы, в земном аду не один круг и не девять, а неисчислимо больше, ведь адово дно не стоит на месте: оно уже сильно опустилось со времен Данте Алигьери – и непрерывно продолжает опускаться ниже и ниже.

«Кировский поток», Большой террор и отдельно 1937-й год, блокада, послевоенные погромы... – все это было впереди, все это людям предстояло испытать. И Шапориной наравне с другими. Но она еще сумела многое открыть, понять – и бесстрашно сохранить свое знание, сохранить, нет сомнений, на столетия.

«Вся планета вздыбилась за XX в. И наиболее кровавым он был у нас с 1917 по 1953-й; 36 лет кровавого кошмара. Теперь многие говорят: почему Шалапин не вернулся: ему так хотелось на родину. На родину – да. Но не в кровавый котел. Когда думаешь о том времени, темно в глазах становится» (Там же: II, 382).

В конце концов, дело в устройстве ее сознания, в складе ее натуры, ее души. Она органически мыслила Россией: «Люблю я ее, как человека» (Там же: I, 44). Происходящее вокруг и себя самое она постоянно соотносила, сопрягала со страной, с судьбой русского народа. Святая вера и сильное национальное чувство питали глубины ее существа на протяжении всего жизненного пути.

Любовь Васильевна Шапорина отразилась на страницах «Дневника» как человек в полном смысле слова: не свободный от иллюзий, заблуждений, но с могучей благородной душой, – способный противостоять бесчеловечию красного Голема. Ее прямая речь обрела образную силу и подняла исторический документ на уровень выдающегося художественного романа-эпопеи новой формы.

Литература

- Бахтин, М. М.** 1974. К эстетике слова. *Контекст-1973*: сб. М.: Наука.
- Бунин, И. А.** 2000. *Публицистика 1918–1953 годов*. М.: ИМЛИ РАН, Наследие.
- Герцен, А. И.** 1975. Концы и начала: Письмо второе. В: Герцен, А. И., *Собр. соч.*: в 8 т. М.: Правда.
- Даров, А. А.** 2012. *Блокада*. М.: Посев.
- Ельницкий, Л. А.**
2012а. *Три круга воспоминаний: Война и плен*. М.: Аграф.
2012б. *Три круга воспоминаний: Лагерный дневник*. М.: Аграф.
- Лежен, Ф.** 2012. От автобиографии к рассказу о себе, от университета к ассоциации любителей: история одного гуманитария. *Неприкосновенный запас* 3: 199–217.
- Шапорина, Л. В.** 2012. *Дневник*. М.: Новое литературное обозрение.
- Шварц, Е. А.** 2012. Дневники. *Новое литературное обозрение* 115.
- Шитц, И. И.** 1991. *Дневник «великого перелома» (март 1928 – август 1931)*. Париж: YMCA-PRESS.